

А.Д. Осмаев

Общественно-политическая ситуация в Чеченской республике в 1996–1999 гг.

В данной статье мы ставим целью показать как внутривнутриполитические процессы, происходившие в Чеченской республике, так и взаимоотношения с Российской Федерацией в 1996–1999 гг., которые Я. Ахмадов охарактеризовал как «сползание к конфликту» [1, с. 112].

Подписание 31 августа 1996 г. соглашений в Хасав-юрте А. Лебедем и А. Масхадовым не означало немедленного решения всех проблем как в России, так и в разрушенной Чечне. В Москве ряд политиков критиковал Хасав-юртовские соглашения, видя в них угрозу территориальной целостности России, а Б. Ельцин 5 сентября заявил о поддержке действий А. Лебеда, но предупредил, что не надо торопиться с выводом войск. Спустя несколько дней министр юстиции РФ В. Ковалев назвал Хасавюртовские соглашения политической декларацией, не имеющей юридических последствий. Слушая комментарии относительно этого соглашения в 1996 г. и последующих годах можно было подумать, что А. Лебедь действовал по собственной инициативе, не считаясь с мнением президента Ельцина и правительства Российской Федерации, но это, на наш взгляд, было не больше чем попыткой вывести из-под критики и обвинений высшее руководство страны. Вот как оценивал по истечении 6 лет это соглашение непосредственный участник тех событий, ныне уполномоченный Президента РФ по правам человека В. Лукин: «...для всех было очевидно, что длительная война в Чечне 1994–1996 годов не увенчалась успехом. В августе 1996 года боевики фактически беспрепятственно захватили Грозный. Надо было или побеждать их в течение одной-двух недель, или дать хоть какую-то передышку тем российским войскам, которые в результате неумелого руководства ими несли большие потери. Их моральное состояние было низким. Передышка была просто необходима в этих условиях, чтобы предотвратить большие человеческие жертвы. Так что все дело не в Хасавюртовских соглашениях, которые, повторюсь, были в тот момент вынужденными и правильными, а в том, что той передышкой, которую они давали, мы и Масхадов не воспользовались» [2].

Вскоре и. о. президента Чеченской республики Ичкерия (ЧРИ) З. Яндарбиев принял решительные меры по исламизации государства. В сентябре он подписал указ о расформировании светских судов, которые были заменены судами шариатскими. Одновременно был введен так называемый шариатский

Уголовный кодекс, фактически являвшийся переводом Уголовного кодекса Судана. Ислам был провозглашен государственной религией ЧРИ, из числа ваххабитов сформировали «исламскую гвардию». В этот период у многих политиков из круга З. Яндарбиева, а также у полевых командиров стала заметна религиозная основа мотивации и оправдания их действий, в том числе таких, как захват заложников с последующим их выкупом. Реализация исламского проекта по-ваххабитски на национальном уровне натолкнулась прежде всего даже не на объявленную Москвой войну ваххабизму, а на отказ самих чеченцев поддержать исламское государство, предложенное ваххабитами. Вопрос о том, какой должна быть Чечня, расколол общество. Этот водораздел оказался не менее глубоким, чем сама проблема чеченской независимости.

В плане отношения к исламу А. Масхадова можно считать преемником Д. Дудаева, который после прихода к власти мыслил независимую Чечню только как светскую республику. Подход последнего к исламу носил инструментальный характер, причем это касалось и противостояния с Россией, и внутривнутричеченской междуусобицы. Обвинения в адрес А. Масхадова в «потворстве» исламским радикалам несостоятельны, поскольку слабость в военном отношении, да и вся логика событий вынуждала его идти путем компромисса. Непримирым противником ваххабизма являлся занимавший пост муфтия Чечни с 1995 по 2000 г. А. Кадыров. Его деятельность во многом способствовала срыву планов ваххабитов, и поэтому на него была организована серия покушений. Трагическая фигура прагматика и религиозного авторитета А. Кадырова стала своеобразным символом внутренней противоречивости исламской идеологии и практики в Чечне. Стимулируемая действиями России, осуществляемая через газават исламизация оказалась в тупике после попыток ваххабитов навязать населению шариатское законодательство.

Конечно, противостояние А. Масхадова и А. Кадырова против ваххабитов нужно рассматривать лишь в контексте борьбы за власть, отодвигая на второй план тот факт, что эта борьба развернулась вокруг в известном смысле религиозной проблемы – провозглашения Чечни исламским государством. Что же касается А. Масхадова и в немалой степени А. Кадырова, то их обращение к исламу как к политическому инструменту, безусловно, вынужденное, продиктовано двумя очевидными обстоятельствами.

Во-первых, стремлением не дать монополизировать религию противникам, которые стремились отлучить президента и муфтия от ислама. Во-вторых, в 1996–1998 гг. они, в самом деле, могли надеяться, что в их руках ислам сможет стать фактором стабилизации и наведения в Чечне хотя бы самого предварительного порядка. Наконец, в-третьих, А. Масхадов поддержал введение шариата, поскольку за этим стояла надежда подключиться к системе отношений в рамках мусульманского мира, что предполагает распространение на нее принципов исламской солидарности. В результате А. Масхадов поддержал принятие в 1997 г. парламентом Чечни закона «О внесении изменений в Конституцию Чеченской Республики Ичкерия», одним из пунктов которого ислам провозглашался государственной религией республики. Для провозглашения ислама государственной религией, начала введения шариатского законодательства требовалось материальное обеспечение, т.е. создание соответствующих институтов, а также внедрение ислама в уже существовавшие государственные структуры. Еще до объявления ислама государственной религией формировались шариатские суды, в чеченской армии появились исламские воинские формирования. Знания ислама стали требовать от лиц, назначавшихся на административные должности. Всё громче раздавались призывы предпринять все усилия по реальному установлению шариатского законодательства. Еще до введения в Чечне шариата был образован Верховный шариатский суд, который сразу поставил себя над чеченским парламентом. В декабре 1998 г. он принял решение об образовании нового религиозно-государственного органа – шуры (совет – араб.), создание которой должно было ослабить позиции А. Масхадова. Резко обострились противоречия между А. Масхадовым, утверждавшим, что он продолжает контролировать ситуацию, и внушительным блоком его противников, состоявшим из самых боеспособных полевых командиров и наиболее авторитетных вождей исламской оппозиции. Пытаясь перехватить инициативу и расколоть потенциально самый сильный военно-религиозно-политический блок, А. Масхадов в феврале 1999 г. установил в Чечне «полное шариатское правление», заявив о создании Президентской шуры (совета), имевшей консультативный статус. В Президентскую шуру без их ведома были включены едва ли ни все оппоненты А. Масхадова, кроме членов местного непримиримо настроенного «Джамата». Однако разрешить с помощью этой комбинации конфликт так и не удалось, тем более, что Ш. Басаев заявил, что само наличие шуры означает завершение президентских полномочий А. Масхадова.

В мае 1999 г. было совершено четвертое по счету покушение на А. Кадырова, который немедленно заявил, что приступает к формированию «армии защитников тариката», которая должна насчитывать

до 4 тыс. бойцов. Можно предположить, что если бы в августе 1999 г. не началось басаевское вторжение в Дагестан, то «армия защитников тариката» превратилась бы в серьезную военно-политическую силу, способную самостоятельно противостоять ваххабитам.

Дагестанские ваххабиты всегда симпатизировали чеченским коллегам и сотрудничали с ними. В 1997–1998 гг. сотрудничество дагестанских и чеченских ваххабитов окрепло. Еще одной общей дагестано-чеченской организацией стал созданный в 1998 г. и возглавленный Басаевым Конгресс народов Ичкерии и Дагестана. Он внес ряд предложений по укреплению связей между Дагестаном и Чечней, в том числе об образовании общего шариатского суда, шариатской оперативной группы (с целью борьбы с бандитизмом и захватом заложников), создании нескольких совместных комитетов, в том числе экономического, финансового и по вопросам экологии. Создание конгресса было инициировано чеченскими организациями – «Исламской нацией» и «Кавказской конфедерацией». К ним примкнул Высший совет лакского народа, возглавляемый М. Хачилаевым, братом Н. Хачилаева. В апреле 1999 г. на втором съезде конгресса народов Ичкерии и Дагестана, проходившем в Грозном, возобладала радикальные лозунги. Наряду с призывами к объединению на исламской основе участники съезда требовали деколонизации Дагестана и всего Кавказа и вывода оттуда российских войск.

Было бы неправильно рассматривать басаевский рейд в Дагестан как чисто чеченскую авантюру. В отрядах Басаева и Хаттаба сражалось немало дагестанцев, ранее перебравшихся в Чечню вместе с Багаудином Мухаммадом. В. Акаев утверждает, что сами чеченцы составляли лишь четверть в «армии вторжения» [3].

З. Яндарбиев 6 сентября 1996 г. подписал указ «О амнистии лиц, работавших в структурах марионеточного и оккупационного режима, а также оказавших вооруженное сопротивление», и в этот же день было объявлено о предстоящем формировании коалиционного правительства. В течение сентября российские генералы несколько раз объявляли о приостановке вывода войск из Чечни, но процесс этот возобновлялся, так как не генералы, а политики принимали решение по этому вопросу, и завершился 31 декабря 1996 г.

В октябре 1996 г. Масхадов возглавил коалиционное правительство Ичкерии, в которое вошли либо сепаратисты, либо чиновники-профессионалы, согласившиеся работать под их руководством. Сам Масхадов, сохранив должность начальника Главного штаба, одновременно занял кресла премьера и министра обороны. В декабре 1996 г. премьер России Виктор Черномырдин и премьер Ичкерии А. Масхадов подписали соглашение «в целях определения принципов сотрудничества». Основным содержанием соглашения были договоренности о возобновлении транспортного сообщения и, в частности, о добыче, переработке и

транспортировке нефти, нефтепродуктов и газа на территории Чечни.

Положение в послевоенной Чечне было крайне тяжелым. Число погибших, по разным оценкам, колебалось от нескольких десятков тысяч до 120 тыс. чел., а в списках пропавших без вести значились фамилии 14396 граждан Чеченской Республики, и только в Грозном имелось до 80 нескрытых мест массовых захоронений [4]. Огромен был материальный ущерб, понесенный Чеченской Республикой, и по его размерам также не было единого мнения: он оценивался от 5500 млн долл. США [5] до 12–15 и 35 млрд долл. [6, с.185], а чеченской стороной в 10 раз больше – от 150 до 200 млрд долл. [7, с. 494].

В декабре 1996 г. Аслан Масхадов заявил о выдвижении своей кандидатуры на пост Президента Чеченской Республики Ичкерия. Самыми известными соперниками генерала были З. Яндарбиев, Ш. Басаев, М. Удугов и А. Закаев. Реального кандидата, представлявшего интересы неволеванной (большей) части населения Чечни, не было. В организации выборов активное участие приняла ОБСЕ, которая, как и российское руководство, признала их законными и демократическими. 27 января 1997 г. Масхадов был избран Президентом, получив 59,3% голосов избирателей, участвовавших в голосовании [8, с. 13]. Пост главы Правительства занял сам Масхадов. Первыми вице-премьерами стали Ш. Басаев, М. Удугов, а А. Закаев занял пост вице-премьера и министра культуры, вместе с ними в правительство были включены и несколько известных профессионалов, занимавших ранее посты в администрации Д. Завгаева. Состав первого правительства Масхадова вызвал резкую критику со стороны полевых командиров и их сторонников, обвинявших президента в попустительстве «коллорационистам» и пренебрежении к участникам Сопrotивления. 1 апреля Масхадов под давлением радикалов объявил об отставке правительства. Посты вице-премьеров в новом правительстве заняли полевые командиры – Ш. Басаев, Р. Гелаев и И. Халимов. Был сформирован Высший Президентский Совет, в который вошли военные и политические лидеры сепаратистов. Он утверждал кандидатуры министров, предложенные Президентом, после чего члены правительства утверждались Парламентом ЧР. Процесс согласований и утверждений состава нового правительства продолжался более двух месяцев. 3 июня Масхадов объявил об окончательном утверждении кабинета. Большинство наиболее важных постов заняли полевые командиры и их сторонники. Вместе с тем Масхадову удалось отстоять небольшую группу аполитичных профессионалов. Уступки, сделанные Масхадовым весной 1997 г. своим радикальным оппонентам, стали, по сути, первым шагом к падению президента, хотя 12 мая 1997 г. в Москве президент ЧРИ Аслан Масхадов и Президент РФ Борис Ельцин

подписали договор «О мире и сотрудничестве», ставший, по мнению многих политологов и чеченских политиков, юридическим признанием независимости Чеченской Республики Ичкерия. В договоре указывалось, что стороны будут «строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права...». Известный историк Д. Гакаев считал, что «наибольшую выгоду Московский договор принес ичкерийцам. Включение в текст договора тезиса об окончании четырехсотлетнего противостояния Чечни и России, а также согласие строить двусторонние отношения (до определения статуса республики) на основе международного права мало что дает для продвижения Чечни к реальной независимости, но этого более чем достаточно, чтобы запустить пропагандистскую машину для оправдания политики радикальной суверенизации в глазах обманутой части чеченского народа» [9, с. 109].

Уже в июне радикалы вновь выступили с критикой состава и деятельности правительства. Съезд полевых командиров и участников «сопротивления», состоявшийся в Грозном, потребовал удалить из правительства «коллорационистов», ввести в действие закон о люстрации и прекратить внешнеполитические уступки Москве. В июле-августе в результате правительственного кризиса, спровоцированного радикалами, в отставку ушли Басаев, Гелаев, Мовсаев и другие полевые командиры и их сторонники. Осенью 1997 г. главенствующую роль в чеченском правительстве стали играть практики-экономисты во главе с первым вице-премьером Дошукаевым и руководителем Департамента госимущества Баталовым, которые готовили программу экономического развития Ичкерии. Впрочем, «экономический кабинет» работал недолго – до новых уступок Масхадова. В конце 1997 г. президент вновь поддался давлению и шантажу со стороны радикалов и объявил о назначении главой Правительства Ичкерии Шамиля Басаева. 12 января 1998 г. Басаев приступил к формированию нового кабинета. Процесс длился около двух месяцев. 5 марта члены правительства принесли присягу на Коране. И.о. премьера и первым вице-премьером стал Басаев. В правительстве Басаева заметно усилились позиции полевых командиров и представителей радикального крыла сепаратистов. Президент передал главе правительства все полномочия во внутривластной, экономической и социальной сферах. Выступая в начале марта 1998 г. на заседании парламента, Масхадов заявил, что новый кабинет в первую очередь должен заняться решением социальных проблем и особенно проблемы занятости трудоспособного населения. Однако Басаева и его единомышленников заботили другие вопросы. В апреле 1998 г. во время встречи с участниками «сопротивления» и.о. премьера обещал провести чистку госаппарата от «лиц, сотру-

ничавших с марионеточным режимом и оккупационными властями», и ввести в действие принятый парламентом закон о люстрации. По поводу проблемы распространения ваххабизма глава правительства заявил, что все, кто веруют в Аллаха и соблюдают предписания Корана, являются его друзьями.

В период своего президентства А. Масхадов предпринимал зарубежные поездки с целью признания независимости Чеченской Республики или, в крайнем случае, получения поддержки со стороны руководителей других государств. Визиты в Грузию и Азербайджан, несмотря на дружественный прием, особых результатов не имели, так как Россия обладала мощными рычагами влияния на эти страны, как экономические, так и политические. Не принесли особых результатов поездки А. Масхадова в США и Великобританию – никто из западных политиков не собирался осложнять на этом этапе отношения с Россией из-за Чеченской Республики Ичкерия, да и внутреннее положение в самой Чечне, где государственные органы не в силах были противостоять преступности и позорной практике похищения людей, не способствовало этому. Визиты в Саудовскую Аравию, Турцию и Малайзию также не принесли конкретных результатов – без урегулирования отношений с Российской Федерацией ни последовательно сменявшие друг друга министры иностранных дел (Х. Ахмадов, М. Удугов, И. Ахмадов), ни президент, ни депутаты парламента не могли рассчитывать на дипломатические успехи.

Весной 1998 г. резко обострилась ситуация вокруг ваххабитских центров, действовавших на территории ЧРИ. Экстремисты занимались похищениями людей, ваххабиты пытались насильственно насаждать «шариатские правила» в чеченских селах, что порождало конфликты и столкновения. В марте по приказу Масхадова бойцы Антитеррористического центра при президенте Ичкерии (АТЦ) пытались разгромить ваххабитский центр в Урус-Мартане, которым заправляли братья Ахмадовы. Попытка разгрома одного из центров похищений людей вызвала новые нападки радикалов на президента и его сторонников. Ваххабитские пропагандисты обвинили Антитеррористический центр в сотрудничестве с российскими спецслужбами.

Активизация действий против ваххабитских «джамаатов» привела к возникновению серьезных разногласий между главой государства и и.о. премьера. Басаев и его сторонники выступали против силовых мер по отношению к преступникам, являвшимся «соратниками по сопротивлению». В апреле-мае, когда обострилась ситуация в соседнем Дагестане, противоречия в ичкерийском руководстве углубились: президент и его команда (Атгириев, Закаев, Хулыгов, Махашев) выступали против вмешательства во внутридагестанский конфликт, а глава правительства и часть министров (Удугов, Халимов) считали необходимым

поддержать дагестанских «братьев по вере» и группировку Хачилаевых [10]. Противоречия в правительстве привели к новым отставкам: в апреле ушел в отставку заместитель министра шариатской госбезопасности (ШГБ) Абу Мовсаев – один из наиболее радикально настроенных полевых командиров, а в конце мая за ним последовал министр ШГБ Халимов.

К лету 1998 г. ситуация в Чечне быстро дестабилизировалась. Противостояние ваххабитов и местных жителей в Гудермесском районе привело 30–31 мая к вооруженному столкновению двух группировок в Гудермесе. 21 июня группа сторонников полевого командира Радиева во главе с В. Джафаровым, начальником штаба «Армии Джохара Дудаева», предприняла попытку захватить здание телевидения в Грозном. А. Масхадов попытался остановить расползание анархии. 22 июня указом президента на территории Ичкерии было введено чрезвычайное положение, а в Грозном – комендантский час. В прямое подчинение президента были переведены Министерство шариатской госбезопасности, Национальная служба безопасности и другие силовые структуры, а также Госкомитет по телевидению и радиовещанию. Правда, для осуществления решительных мер борьбы с преступниками глава государства и его сторонники не располагали достаточными силами, а и.о. премьера (Басаев) и многие министры почти открыто поддерживали экстремистов. Острый кризис начался в июле 1998 г. с новых столкновений в Гудермесе. 14–15 июля там произошло крупное столкновение правительственных войск с ваххабитскими боевиками. В ходе боев погибли несколько десятков человек [11, с. 30]. 17 июля Масхадов продлил действие режима чрезвычайного положения (ЧП) в республике и комендантского часа в Грозном. Президент призвал на действительную военную службу бывших участников «сопротивления», находившихся в резерве – около 5 тыс. чел. Глава государства также выступил с резкой критикой действий ваххабитских центров и потребовал, чтобы главари ваххабитов в течение 24 часов покинули территорию Ичкерии. Одновременно бывший и.о. премьера Ш. Басаев был назначен заместителем главнокомандующего вооруженными силами, бригадный генерал А. Исмаилов стал военным комендантом Ичкерии. Открыто поддерживавший ваххабитов М. Удугов был уволен из правительства. 20 июля президент своим указом объявил о расформировании шариатской гвардии и Исламского полка. Новый министр шариатской госбезопасности А. Арсаев в выступлении по республиканскому телевидению заявил, что бывшие бойцы этих формирований, задержанные с оружием в руках, будут арестованы, а в случае сопротивления – уничтожены. Президент подписал указы о лишении полномочий двух членов шариатского суда, выступивших в поддержку ваххабитов, а также о высылке их и еще двух проповедников, которых обви-

нили в антиправительственной пропаганде и разжигании розни среди мусульман. Бойцы распущенных формирований собрались на окраине села Старые Атаги, где проживал экс-президент Яндарбиев, но жители села их не поддержали, а прокурор ЧРИ Сербиев возложил ответственность за складывающуюся ситуацию на Яндарбиева. В ночь на 22 июля властями Ичкерии была прекращена деятельность всех частных телекомпаний на территории республики. Генеральная прокуратура предупредила Яндарбиева о недопустимости проведения митингов в период действия ЧП и о возможности привлечения их организаторов к уголовной ответственности, о поддержке президента и его действий заявил С. Радуев. 23 июля было совершено покушение на Масхадова, был убит телохранитель, трое ранены, но сам Масхадов не пострадал. В тот же день власти начали решительное наступление на религиозных экстремистов, которых молва обвиняла в причастности к покушению. Для дачи показаний по делу о покушении на президента Верховный шариатский суд потребовал явки экс-президента Яндарбиева, бывшего командира Исламского полка А. Бараева и главы Урус-Мартановского джамаата Р. Ахмадова. Представители суда заявили, что подозреваемые, отклонившиеся от добровольной явки в суд, будут доставлены силой. Ведущие полевые командиры, в том числе Басаев и Гелаев, выразили поддержку Масхадову. Примечательно, что сам Масхадов объявил покушение делом российских спецслужб.

26 июля бывший командир шариатской гвардии А. Межидов и бывший командир Исламского полка А. Бараев, а также руководители ваххабитских джамаатов заявили о своей лояльности президенту. В результате июльского кризиса Масхадов получил хорошую возможность для того, чтобы при поддержке полевых командиров покончить с преступными группировками и экстремистскими центрами, действующими на территории Ичкерии, но остановился на полпути. Уже 28 июля власти объявили об отмене режима ЧП и комендантского часа. Президентская пресс-служба заявила о «стабилизации общественно-политической ситуации» и «значительных успехах в борьбе с преступностью». Разумеется, власти выдавали желаемое за действительное. Через два месяца, 23 сентября, Басаев и Радуев потребовали отставки президента, обвинив его в узурпации власти, нарушении конституции и шариата, а также в пророссийском внешнеполитическом курсе. В ответ Масхадов обвинил полевых командиров в развале экономики (сославшись на время, когда Басаев возглавлял правительство Ичкерии) и дестабилизации ситуации в республике, что играет на руку врагам чеченской независимости. К концу месяца отношения между президентом и оппозиционными командирами обострились настолько, что Масхадов публично (в телевыступлении) обещал расстрелять Радуева за провокацию.

29 сентября в Грозном на стадионе «Динамо» состоялся второй съезд участников «сопротивления», созданный оппозиционными командирами. Басаев, Радуев, бывший глава Антитеррористического центра Х. Исрапилов вновь обвинили президента в узурпации власти и недопустимых уступках России по принципиальным вопросам независимости. Участники съезда потребовали отставки Масхадова с поста главы государства. С обвинениями оппозиционеров солидаризировались вице-президент Ичкерии В. Арсанов, экс-президент Яндарбиев, бывший вице-президент С.-Х. Абумуслимов и другие представители радикальной политической оппозиции. 30 сентября в центре Грозного начался бессрочный митинг противников Масхадова, провозглашенный общенациональным.

4 октября оппозиционный Совет командующих обратился к муфтию Ичкерии Ахмат-Хаджи Кадырову с предложением «вмешаться в процесс разрешения кризиса в стране» и поддержать обвинения против Масхадова. Одновременно полевые командиры призвали парламент ЧРИ «незамедлительно привлечь к ответственности президента Масхадова за нарушения Конституции ЧРИ». В ответ сторонники президента собрали 8 октября форум, провозглашенный Общенациональным съездом чеченского народа, – в качестве правопреемника дудаевского Общенационального конгресса чеченского народа, действовавшего в 1990–1993 гг. Инициатором съезда выступил бригадный генерал Атгериев и возглавляемое им движение «Чеченское исламское государство». Делегаты форума выразили поддержку президента, осудили действия оппозиции, потребовали распустить незаконные вооруженные формирования, а также призвали запретить действия партий и организаций, «несущих угрозу раскола народа» и предложили президенту выдворить из республики всех иностранных ваххабитских проповедников. Активную поддержку сторонникам Масхадова оказал муфтий Ичкерии А.-Х. Кадыров. В своем выступлении Ахмат-Хаджи резко осудил ваххабитов, назвав их «врагами ислама и чеченского народа». Кадыров первым открыто заявил, что главной ваххабитской организацией является Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, возглавляемый Басаевым и Удуговым.

22 октября 1998 г. Масхадов выступил с ультиматумом, потребовав от полевых командиров разрушить все формирования, не входящие в систему вооруженных сил ЧРИ. Центрами преступных группировок были названы Сержень-Юрт (военная база «Кавказ» Хаттаба), Ведено (центр отряда Басаева) и Урус-Мартан («джамаат» Ахмадовых).

25 октября в результате покушения был убит начальник Управления по борьбе с похищениями людей Шадид Баргишев. На следующий день в Грозном было совершено покушение на муфтия Кадырова. Оба преступления молва и пресса возлагали на ваххабитов,

промышлявших похищениями людей. Казалось, настало время для решительных действий, обещанных президентом и его министром безопасности. Однако Масхадов вновь предпочел отступить.

8 ноября в Грозном состоялась встреча президента с полевыми командирами, которых возглавлял Басаев. Переговоры длились около 8 часов и закончились очередной уступкой Масхадова. Глава государства согласился на создание Консультативного совета, который должен определять внутреннюю и внешнюю политику Ичкерии. Президент дал согласие на введение в действие закона о люстрации и на создание судов чести для его реализации. Уже на следующий день, 9 ноября, оппозиционеры нарушили соглашение. На «съезде Общенационального конгресса чеченского народа», созванном полевыми командирами, Басаев, Радуев и прочие призвали к отставке Масхадова и всего руководства Ичкерии, «не способного эффективно управлять».

10 ноября Масхадов разжаловал Салмана Радуева в рядовые и лишил его права на личную охрану. 14 ноября в Грозном произошла стычка между боевиками Радуева и сотрудниками шариатского суда, пытавшимися арестовать «командующего Армией Джохара Дудаева» по приговору суда. В центре Грозного собрался митинг сторонников Радуева, потребовавших отстранения Масхадова с поста президента.

На фоне слабости власти разрастались анархия и бандитский произвол. 7 декабря правоохранительными органами ЧРИ был арестован один из участников похищения иностранных заложников – трех англичан и одного гражданина Новой Зеландии, увезенных 3 октября. Позже выяснилось, что похищение было организовано бандой Бараева. На следующий день после ареста, 8 декабря, в Ачхой-Мартановском районе были найдены отрезанные головы заложников. Убийство иностранцев вновь побудило Масхадова и его сторонников к активным действиям. 11 декабря президент объявил о частичной мобилизации резервистов вооруженных сил и бывших участников «сопротивления». Целью мобилизации была названа борьба против бандформирований. К концу месяца на военную базу в Ханкале прибыло до 1 тыс. чел., имевших навыки боевых действий. Всего в отряды по борьбе с преступностью, созданные в населенных пунктах Чечни, вступили более 5 тыс. чел. (по официальным данным). 17 декабря в центре Грозного состоялся многотысячный митинг сторонников Масхадова. Участники форума, объявленного Общенациональным митингом чеченского народа, приняли резолюцию, в которой разрешили президенту применить самые жесткие меры в отношении оппозиционных формирований, не подчиняющихся республиканским властям. Митинг также потребовал навести порядок в Урус-Мартановском районе и решительно подавить сопротивление незаконных вооруженных групп. Одна-

ко Масхадов вновь отложил наступление на бандитов и объявил, что намерен «в последний раз» предложить лидерам оппозиции разрешить разногласия путем переговоров. Оппозиция ответила террором. 6 января 1999 г. в Гудермесе было совершено покушение на командующего частями Национальной гвардии С. Ямадаева. 14 января в Грозном в районе Олимпийского проезда была обстреляна машина министра шариатской госбезопасности А. Арсаева. 21 января в Урус-Мартане произошло столкновение между правительственными силами и ваххабитскими боевиками. Власти решили перехватить у оппозиции популярные исламские лозунги. 3 февраля 1999 г. Масхадов, созвав совещание полевых командиров и руководителей силовых структур, заявил о введении «полного шариатского правления». Президент объявил, что в связи с введением «полного шариатского правления» парламент лишен законодательных прав и будет играть роль контролирующего органа, а высшим законодательным органом станет исламский совет – шура. Для подготовки «Шариатской Конституции» был создан оргкомитет во главе с вице-премьером Ахмедом Закаевым. 9 февраля в здании театрально-концертного зала состоялось первое заседание Государственного Совета – кхеташо, сформированного Масхадовым. В совет вошли как сторонники президента, так и практически все видные лидеры оппозиции, включая Басаева, Яндарбиева, Гелаева и пр. Оказавшись в хроническом цейтноте, Масхадов пытался укрепить президентскую власть, при этом не допуская разрастания внутривластного конфликта. Однако оппозиция быстро нашла адекватный ответ – уже 8 февраля Басаев и его сторонники заявили, что отказываются войти в Государственный Совет и приступают к формированию собственной шуры. 18 февраля эмиром (главой) оппозиционной шуры был избран Басаев.

Объявив о введении шариатского правления, Масхадов фактически подорвал конституционные основы своей власти и предоставил оппозиции возможность противопоставить сформированному по произвольным принципам президентскому госсовету столь же нелегитимную шуру во главе с Басаевым.

Правда, в течение весны-лета 1999 г. президенту и его сторонникам в определенной степени удалось усмирить радикальную оппозицию. Созданное 14 марта Министерство государственной безопасности ЧРИ, которое возглавил генерал Турпал-Али Атгериев, провело несколько удачных операций против похитителей людей и ваххабитов. 10 апреля по призыву Масхадова на окраине с. Старые Атаги собрались около 4 тыс. вооруженных резервистов, продемонстрировавших поддержку президента. Репутация Басаева, Яндарбиева, Удугова и других оппозиционных лидеров, которых уже прямо обвиняли в провоцировании гражданской войны, оказалась сильно подмочена. Оппозиция быстро потеряла поддержку в Чечне.

Серьёзно осложнило взаимоотношения с Россией похищение генерала Г. Шпигуна 5 марта 1999 г. в грозненском аэропорту, а к лету 1999 г. напряжённость как внутри Чечни, так и во взаимоотношениях с Российской Федерацией усилилась. Проблема похищения людей была одной из самых острых, и до Шпигуна в Чечне и в соседних республиках, да и далеко от Северного Кавказа похищали людей, но таинственным образом они оказывались в Чечне или переговоры об их освобождении велись с территории Чечни. Однако всё обстояло далеко не так просто, и не случайно генерал Трошев пишет, что «...штаб СКВО располагал доказательствами сговора бандитов и отдельных структур МВД» и приводит заявление тогдашнего министра по делам национальностей Р. Абдулатипова, что «...в расцвете торговли людьми на Северном Кавказе виноваты те, кто пытается показать, сколь велико их влияние в Чечне» [11, с. 156–157].

На границе ЧРИ, хотя её продолжали называть административной, всё чаще происходили стычки с применением не только стрелкового оружия, но и авиации, в частности, боевых вертолётов. Президент РФ Б. Ельцин, выступая в июле в Кремле на встрече с высшими офицерами Российской Армии, сказал: «Бандитам на Северном Кавказе надо дать адекватный отпор, но только до войны не доводите». Однако ход событий, как оказалось, неумолимо приближал войну. Попытки урегулирования ситуации на уровне Масхадов–Ельцин не находили отклика, и вице-премьер правительства ЧРИ К. Махашев 25 июля заявил, что организация встречи двух президентов тормозится Москвой. Чуть позже МИД ЧРИ сделал заявление о нанесении превентивных ударов по России, если её руководство будет продолжать политику применения силы. Это заявление расходилось с обращением Масхадова, где он говорил о провокациях западных и арабских спецслужб, деятельности олигархов и партии войны в России, т.е. пытался оставить поле для политического маневра. Но это обращение не имело сколько-нибудь серьёзного результата, так как вооружённые отряды Басаева и Хаттаба, в которых, по разным оценкам, находилось до 4 тыс. чел., Масхадову не подчинялись.

Общий анализ ситуации, публикаций в СМИ, воспоминания очевидцев и участников позволяют сделать вывод, что российские спецслужбы были в курсе готовившегося «вторжения в Дагестан», тем более, что в отрядах боевиков были внедрённые агенты. Но для разрешения политического кризиса в России, безболезненной передачи власти именно такое развитие ситуации, по всей видимости, отвечало интересам части правящей верхушки РФ.

2 августа 1999 г. начались бои в Цумадинском районе Дагестана. Скорее всего, это было частью плана дагестанских ваххабитов по захвату власти,

который провалился ещё до начала реализации, так как о нём знали российские спецслужбы и приняли превентивные меры. 4 августа 1999 г. начались перестрелки в Ботлихском районе Дагестана, а по высокогорному чеченскому селу Кенхи был нанесён вертолетный удар. Официальные Москва и Грозный по поводу дагестанских событий утверждали прямо противоположное: Москва сообщала, что в Дагестан перебрасываются отряды чеченских боевиков, а Грозный опровергал какое-либо участие чеченцев в этих событиях.

В Москве тем временем правительство С. Степашина было отправлено в отставку, а 9 августа Б. Ельцин назначил премьер-министром В. Путина и назвал его своим преемником на посту Президента РФ. 10 августа 1999 г. А. Масхадов на пресс-конференции заявил, что «монголо-татарское нашествие на Дагестан со стороны Ичкерии – это обман зрителя». Вечером в программе ОРТ «Однако» неизвестный М. Леонтьев призывал бомбить Чечню, а 13 августа 1999 г. В. Путин на пресс-конференции в Томске заявил, что удары по бандитам будут наноситься везде, где они появляются, в том числе и в Чечне, так как Чечня – это российская территория.

В ходе летних событий 1999 г. особенно остро проявилось отсутствие сформировавшегося гражданского общества в Чечне, реальных политических партий. Чувствовалось приближение войны, абсолютное большинство народа в Чечне было против нее, но не существовало организаций, выражающих его волю, возможности предотвратить негативное развитие событий. В Грозном собираются митинги против новой войны, но они малочисленны – люди не верят, что их мнение способно что-либо изменить, да и война нужна слишком влиятельным силам за пределами Чечни как инструмент большой политики, на неё сделаны большие ставки.

Вечером 25 августа 1999 г. российские самолеты бомбили сёла Сержень-юрт, Беной, Кенхи, Веденское ущелье. 27 августа 1999 г. В. Путин прилетел в Махачкалу и оттуда направился в райцентр Ботлих Республики Дагестан, где награждал дагестанских ополченцев, а 29 августа началась операция в Кадарской зоне (с. Карамахи, Чабанмахи, Кадар) в основном силами МВД РФ. В начале сентября основную тяжесть операции в Кадарской зоне взяли на себя подразделения Министерства обороны РФ, руководителем был назначен генерал Г. Трошев. Ночью 4 сентября был взорван жилой дом в Буйнакске, где проживали семьи военнослужащих, а 5 сентября несколько сот боевиков, прорвавшиеся из Чечни, овладели рядом сел Новоллакского района, и именно в месте прорыва почему-то не было подразделений Российской армии, хотя ранее они там дислоцировались. По мнению Трошева, эти акции были предприняты с целью отвлечь внимание от Кадарской зоны [11, с. 239].

В ночь на 6 сентября российская авиация бомбила села Ножай-Юртовского и Гудермесского районов, десятки человек были убиты и ранены. 9 сентября 1999 г. премьер В. Путин встретился с муфтиями Северного Кавказа, на встрече присутствовал и муфтий ЧРИ А. Кадыров, который до этого резко осудил провокацию в Дагестане.

Ни августовские, ни сентябрьские бои в Дагестане не вызвали у российского общества поддержки идеи ввода войск в Чечню, но взрывы домов в Москве 7 и 13 сентября, приписываемые чеченцам, сдетонировали взрыв античеченских настроений, новые бомбежки и артобстрелы Чечни, аресты чеченцев в Москве и других российских городах. 14 сентября В. Путин на заседании Государственной Думы сообщил о временном карантине по всему периметру чеченской границы, а 18 сентября заявил о том, что Чечня – это террористическая зона, где необходимо проводить хирургические операции и активнее работать с чеченской диаспорой вплоть до формирования правительства в изгнании.

20 сентября в столице Ингушетии Магасе прошла встреча Р. Аушева, А. Масхадова и президента Республики Северная Осетия-Алания А. Дзасохова, которые призвали организовать встречу Б. Ельцина и А. Масхадова, но решительных шагов со стороны руководства РФ по реализации этого призыва сделано не было. Правда, представитель Ельцина заявил, что встреча возможна, если А. Масхадов откестится от бандитов и сам или с федеральными силами примет меры к их задержанию.

23 сентября была нанесена новая серия бомбовых ударов по территории Чечни, в том числе по аэропорту, и в этот день прозвучала путинская фраза, что «террористов будем мочить и в сортире». А. Масхадов пытался предпринять еще какие-то шаги, в частности, встретиться с председателем Госсовета Дагестана М.-А. Магомедовым, но 30 сентября им якобы не дали встретиться возмущенные жители Дагестана, перекрывшие дороги – маховик войны был запущен.

Библиографический список

1. Ахмадов, Я.З. Сползание Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия к конфликту / Я.З. Ахмадов // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). – М., 2001.
2. Новая газета. – 2002. – 25 нояб.
3. Акаев, В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе / В.Х. Акаев. – Махачкала, 1999.
4. Сигаури, И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен / И.М. Сигаури. – М., 2002. – Т. III.
5. Пути мира на Северном Кавказе : независимый экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова. – М., 1999.
6. Косиков, И.Г. Северный Кавказ : социально-экономический справочник / И.Г. Косиков, Л.С. Косикова. – М, 1999.
7. Хасбулатов, Р. Взорванная жизнь. Кремль и российско-чеченская война / Р. Хасбулатов. – М., 2002.
8. 100 дней Президента. – Грозный ; СПб., 1997.
9. Гакаев, Д. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы (политический аспект) / Д. Гакаев. – М., 1999.
10. Ичкерия. – 1998. – №19.
11. Трошев, Г. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала / Г. Трошев. – М., 2002.